

Я. А. БАЛАГУРОВ

РАССЛОЕНИЕ ОЛОНЕЦКИХ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

Приписные крестьяне Олонецких горных заводов¹ в своем подавляющем большинстве проживали в Петрозаводском уезде, и только небольшая часть их находилась на территории Повенецкого, Олонецкого и Лодейнопольского уездов Олонецкой губернии.² Основным занятием приписных крестьян было земледелие, дававшее скудные урожаи и обеспечивавшее население приписной деревни хлебом только на 4—6 месяцев. Дополнением к земледелию были промыслы: рыболовство, охота, лесозаготовки и др. Большое развитие получило отходничество. В Петербург, Москву, Ригу, Новгород и др. города страны ежегодно уходило несколько тысяч плотников, столяров и каменотесов. На местных отхожих работах были заняты лесорубы, возчики, матросы и судостроители. Только отхожие промыслы спасали приписных крестьян и их семейства от голодной смерти, давая возможность купить хлеб и уплатить подати.

Во второй половине XVIII столетия в среде приписных крестьян имущественное неравенство проявлялось с большей силой, чем в предшествующие столетия. Развитие имущественного неравенства, являвшегося исходным пунктом социального расслоения деревни³, влекло за собой появление значительного количества обедневших крестьян и небольшой кучки богачей. Средние слои крестьянства постепенно сокращались.

В 1750—1770-х гг. деление крестьянских дворов на «мочных» и «маломочных» было характерным как для Олонецкого края, так и соседних с ним областей. Развитие товарно-денежных отношений было основной причиной этого явления. Именно наличие денег, запаса зерна и тягловой силы давало возможность богачу скупать лошадей, коров и земельные участки у своих земляков и захватывать казенные оброчные земли.

В олонецкой приписной деревне дальнейшее развитие получили продажа и отдача в заклад земельных участков (вопреки правительственным запрещениям), выделение подрядчиков и торгующих крестьян, пере-

¹ По 3-й ревизии (1762—1767 гг.) приписных крестьян насчитывалось 18 тыс. ревизских мужских душ.

² Все эти уезды были образованы в 1784 году в связи с учреждением Олонецкой губернии.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 142.

ход части сельского населения в города и применение наемного труда как в промышленности, так в некоторой степени и в сельском хозяйстве. Процесс этот протекал крайне медленно и неравномерно, но шаг за шагом подмывались основы старой патриархально-натуральной деревни.

Имущественное неравенство было таким очевидным явлением, что начальник Олонецких горных заводов А. С. Ярцов в 1770-х гг. считал необходимым разделить приписных крестьян на «прожиточных», «посредственных» и «скудных». В 1780-х гг. это уже было оформлено и в распоряжении Н. Я. Озерецковского находились данные о всей Олонецкой губернии.¹ Так, по Петрозаводскому уезду насчитывалось крестьянских дворов 4517, из которых «достаточных» было 381, «посредственных» 2071 и «бедных» 2065. Олонецкий губернатор Г. Р. Державин (1784—1785 гг.) подметил, что в губернии «малое количество зажиточных крестьян и есть причина, что более бедных. Они, нажив достаточек подрядом или каким другим образом, раздают оный в безбожный процент, кабалают долгами почти в вечную себе работу бедных заимщиков, а через то усиливаются и богатеют более, нежели где внутри России...»² Спустя 40 лет горнозаводские чиновники констатировали, что среди олонецких приписных крестьян «уравнительности в натуре нет» и они делятся не только на «прожиточных», «посредственных» и «бедных», но и на «отлично богатых» и «беднейших из бедных».³ Уже сама такая градация свидетельствует о больших сдвигах, происшедших в приписной деревне.

I

Богатые крестьяне брали от казны и частных лиц всевозможные подряды, получая от этих операций значительные доходы. Из архивных документов видно, что в 40-х гг. XVIII в. приписной крестьянин Шуйского погоста А. Мурашев поставлял в Петербург андомскую глину, высококачественную древесину для оружейного производства, а также брал подряд на поставку ржи, сена и т. д. В 60-х гг. крестьяне Остречинского погоста Ф. Попов и Сямозерской волости К. Силин выполняли большие подряды по доставке «морского дикого камня» на строительство набережной реки Невы. Подрядчики из среды олонецких приписных крестьян строили в Петербурге провиантские склады, дома и т. д.⁴

В 70—80-х гг. XVIII в. количество подрядчиков возросло. Богатые приписные крестьяне поставляли в Петербург бревна, дрова, смолу, рыбу и дичь, строили для этих перевозок галиоты и соймы, нанимали для этих работ десятки и сотни рабочих. Довольно значительными были перевозки тивдийского мрамора и шокшинского порфира для строительства столицы. В 90-х годах в Петербург и Москву поставляли некоторое количество кварца и полевого шпата из Поморья и Повенецкого уезда подрядчики братья Мартяновы (из с. Тивдии).

¹ Н. Я. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмена. СПб, 1792, стр. 200.

² Я. Грот. Жизнь Державина. СПб, 1880, стр. 395.

³ Я. А. Балагуров. Положение Олонецких приписных крестьян в первой четверти XIX столетия. «Известия Карело-Финской базы Академии наук СССР», № 1, 1948, стр. 118—119.

⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 680, лл. 412—413; кн. 1264, л. 354; кн. 1335, лл. 324, 327 и др.

Количество поставок и подрядов особенно возросло в связи с постройкой Александровского пушечного завода (1773—1774 гг.) в Петрозаводске. Подряды брали петрозаводские купцы и богачи из среды приписных крестьян. Выходец из приписных крестьян К. Межуев брал подряды на перевозку пушек и на изготовление от 100 до 500 тыс. штук кирпича на собственных заводах (около Соломенного), приписной крестьянин П. Коротяев выполнял подряды по перевозке на заводы до 300 тыс. пудов железной руды,¹ приписные крестьяне Толвуйского погоста Л. Орлов и Корельской трети К. Рудаков, являясь подрядчиками по строительству казенных домов, имели своих приказчиков, поставивших в Петрозаводск в 1789 г. 500 тыс. кирпичей для заводского строительства.²

Выполняя феодальные повинности, приписные крестьяне для Олонечких горных заводов рубили дрова, выжигали из них уголь, заготавливали железную руду и известь, а в зимние месяцы эти материалы перевозили на заводы. Все эти работы выполнялись по ничтожным расценкам в счет уплаты подушных и оброчных податей, взимаемых с других категорий крестьянства деньгами. В 1760—1770-х гг. приписные крестьяне Урала, Приуралья и Карелии неоднократно поднимались на борьбу за уничтожение системы крепостнических отработок, но потерпели поражение.

Однако упорная борьба крестьянства заставила царское правительство издать манифест от 21 мая 1779 года, по которому от части обязательных работ (выжиг угля и добыча руды) приписные крестьяне были освобождены.

Для олонечких приписных крестьян эта «льгота» носила формальный характер, так как и раньше большая часть такого рода работ выполнялась подрядным способом.³ Но все же в какой-то мере увеличивался объем подрядных работ. Этот же манифест ограничивал привлечение приписных крестьян на строительные работы, а поэтому на строительстве Александровского пушечного завода было значительное количество наемных рабочих. Все эти факты свидетельствовали о том, что в экономической жизни края происходили изменения.

Подряды на добычу и обжигание железной руды в 60—90-х гг. XVIII в. преимущественно брали приписные крестьяне, а также петрозаводские купцы. Работы эти подрядчики производили «своими работными людьми»,⁴ поставляя на заводы десятки и сотни тысяч пудов руды. К исправлению обязательств работников принуждала заводская полиция. Кроме найма, подрядчики нередко сдавали работы на мелкие суммы в подряд своим контрагентам из среды крестьян, выговаривая по договору неустойку за каждый недоставленный короб угля или пуд руды в 3—4 раза дороже, чем он сам платил контрагенту за поставленный материал. Такая система подрядов была выгодна крупным подрядчикам. Так, например, подрядчик Ф. Курмояев в 1779 году взял подряд на добычу и обжиг 22 тыс. пудов железной руды по 30 руб. за каждую тысячу

¹ ЦГА КАССР, ф. Олонечкой казенной палаты (в дальнейшем ОКП), оп. 56, д. 2/8, л. 413; д. 5/21, лл. 45—59 и др.

² ЦГА КАССР, ф. ОКП, оп. 56, д. 4/17, л. 17 и др.

³ В 1772 г. следственная комиссия во главе с генералом Лыкошиным высказалась за добычу железной руды путем подряда и найма, т. к. при выполнении работ путем наряда приписных крестьян очень дорого обходился надзор за ними.

⁴ ЦГА КАССР, ф. Канцелярии Олонечких Петровских заводов (в дальнейшем КОПЗ), кн. 237, л. 63; кн. 235, л. 475; кн. 251, л. 531. и др.

пудов и, в свою очередь, подрядил крестьян Мунозерского конца к добыче и обжигу руды по 16—20 руб. за тысячу пудов.¹ И это только одна из многочисленных операций подрядчиков, случайно нашедшая отражение в архивных документах.

С увеличением заводских работ приписные крестьяне в 1780—1790-х гг. не были в состоянии выполнять все вспомогательные заводские работы путем натуральных отработок. Поэтому горнозаводское ведомство было вынуждено сдавать подрядчикам и приписным крестьянам не только добычу руды и выжиг древесного угля, но и частично, вывозку этих материалов на заводы. Кроме того, путем вольного найма приписные крестьяне заготавливали для заводов такие подсобные материалы, как известь, огнеупорную глину, горновой камень, лучину для угольных корзин и освещения заводских цехов, деготь для смазки механизмов и т. д. Все это заготавливалось на территории горнозаводского округа: известь добывалась на Оленьих островах, огнеупорная глина в районе Вытегры и Андомского погоста, горновой камень на Брусненском острове и т. д.²

Особенно увеличился объем работ по заготовке материалов после постройки Петербургского и Кронштадтского заводов (до 1827 года эти заводы были отделениями Александровского пушечного завода). В первой четверти XIX столетия заводские комиссионеры заготавливали на берегах реки Свири и доставляли водным путем в Петербург десятки тысяч четвертей древесного угля, тысячи бревен и т. д. Кроме того, для этих заводов, для Монетного двора и Ижорского завода доставлялась вытегорская огнеупорная глина.³

Выполнение всех этих подрядов брали купцы и приписные крестьяне из среды богачей. Некоторые семьи подрядчиков были представлены несколькими поколениями. Так, семья приписного крестьянина Курмоева (д. Кончезеро, Мунозерского конца), открывшая в 70—90-х гг. XVIII века лучшие пушечные железные руды (Унатозерский, Тумасозерский, Салозерский и др. рудники), длительное время поставляла десятки и сотни тысяч пудов железной руды на Александровский и Кончезерский заводы. В 70—80-х гг. XVIII века подряды брали Ф. и Н. Курмовеы, а потом их сменяют К. и Ф. Курмовеы. Объем заготовок с каждым десятилетием увеличивался и в 1829 году Ф. Курмоев и И. Ющев заготовили 225 тыс. пудов руды, получив за это свыше 15 тыс. рублей.⁴ К этому времени часть семьи Курмовеых уже длительное время числилась в составе купечества г. Петрозаводска.

Все усиливающийся процесс общественного разделения труда в стране вызывал переход населения из деревни в город. Городское население медленно, но неуклонно увеличивалось не только за счет естественного прироста, но и за счет сельского населения. Этот процесс протекал и в Олонецком крае, но с той особенностью, что значительная часть крестьян, записавшись в купечество, продолжала жить в своих селениях. Другой особенностью было то, что даже тот, кто из перешедших в купечество переселялся в город, как правило, уезжал за пределы Олонецкого края. Это приводило к тому, что население единственного

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2159, лл. 1637, 1711; кн. 1380, лл. 35—38 и др.

² ЦГА КАСР, ф. Олонецкого горного правления (в дальнейшем ОГП), оп. 5, д. 13/56, л. 256 и др.

³ ЦГИАЛ, ф. Горного департамента, оп. 13, д. 194, лл. 110—113.

⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2717, лл. 611—612; ЦГИАЛ, ф. Горного департамента, оп. 2, д. 105, лл. 11, 37—39 и др.

города Олонца увеличивалось крайне медленно. До 1770-х гг. совсем незначительным было население слободы Петровского завода.

Горнозаводские крепостнические повинности приводили к упадку сельского хозяйства, мешали развитию торговли и отходничества. Вот почему в последней четверти XVIII столетия отмечается большое количество приписных крестьян, желавших перейти в купечество и мещанство Петрозаводска, Петербурга и других городов. Вместе с богачами, старались записаться и неимущие. Это было не в одном Олонецком крае. В сенатском указе от 31 июля 1777 года отмечалось, что «поселяне записываются в купечество и мещанство в великом множестве, не имея к тому капитала...»

Указом от 30 июня 1777 года запрещалось принимать государственных крестьян в городские сословия без ведома начальства и сельского общества. Именным указом от 3 октября 1797 года этот порядок подтверждался и дополнялся в сторону дальнейшего ограничения этого перехода. Согласно указу, начальство, рассматривая ходатайства государственных крестьян о переходе в городское общество, должно было, в первую очередь, учитывать интересы казны.

При оформлении перехода приписного крестьянства в купечество требовалось увольнительное письмо сельского общества, ручательство купцов того города, в который оформлялся переход крестьянина, и разрешение горнозаводского ведомства.

В своих прошениях приписные крестьяне не только ходатайствовали о разрешении перейти в городское сословие, но и часто указывали цель этого мероприятия. Обычно такой крестьянин писал, что он занимается торговлей и «для свободы в оном торгу» желает записаться в купечество такого-то города. Лаконичная и четкая формулировка не вызывает никакого сомнения. Именно «свободности» и недоставало для торгующего крестьянина, стесненного феодальными порядками.

Получить увольнительное письмо от сельского схода для богатого крестьянина было довольно легко. Часть земляков находилась у него в кабале, а остальным он ставил несколько ведер водки. Получение поручительной записки от купцов города также не было трудным делом, так как обычно такие крестьяне имели деловые связи с купцами того города, в который они переходили. Так, в июле 1779 года купцы г. Петрозаводска свидетельствовали, что «входящий» в петрозаводское купечество Толвуйского общества крестьянин Иойла Алексеев «подлинно обращается в торговых случаях и человек капиталистый и купеческого звания достоин». ¹ В заключение купцы давали ручательство, что новый член их сословия будет исправно платить купеческие повинности и исправлять заводские работы.

Согласие Берг-коллегии на увольнение приписного крестьянина из горнозаводского ведомства было завершающим этапом в оформлении перехода из крестьянского в городское сословие.

В 1778 году в связи с открытием магистрата в г. Петрозаводске ² резко увеличилось число желающих записаться в купцы и мещане. Если к 1778 году насчитывалось 39 приписных крестьян (душ мужского пола), перешедших в купечество и мещанство городов Петербурга, Олонца,

¹ ЦГА КАССР, ф. Петрозаводского городского магистрата (в дальнейшем ПГМ), оп. 3, д. 24/214, лл. 14, 15 и др.

² В 1777 году Петровская слобода была переименована в город Петрозаводск.

Вытегры, Фридрихсгама, Кременчуга, Миргорода и других, то только в 1778 и в начале 1779 года записалось в купцы и мещане г. Петрозаводска 887 человек. Из Великогубской трети записалось 236 человек (15,2 процента всего мужского населения), из Остречинского погоста 154, из Шуйского погоста 128, Святозерской волости 101, Мунозерского конца 89 и т. д.¹

Большинство видных петрозаводских купцов, перешедших в городское сословие в 1778—1780 гг., были выходцами из приписных крестьян: Алексей Яишников из Шуйского погоста (деревня Ужесельга), Борис Драницын из Петрозаводского десятка, Степан Деревянцев из Деревянской волости, Емельян Баландин из Петрозаводского десятка, Ефим Бекренев из Остречинского погоста, Игнат и Иван Поповы из Сямозерской волости, Лука Савинов из деревни Эссойлы той же волости, владелец Заозерских кирпичных заводов Евтифей Межуев из Корельской трети, Иван Ефтифеев из деревни Уссуны Корельской трети, Максим Осипов из Шокшинской волости и т. д.

Богатый приписной крестьянин Лычноостровской волости Стафей Мартьянов осенью 1767 года имел имущества на 2—3 тысячи рублей. Он занимался торговлей и подрядами, а также ростовщичеством и скупкой дичи и пушнины в Лопских погостах.² Мартьяновы, стараясь избавиться от феодальных горнозаводских повинностей, перешли в посадское сословие. В конце 70-х гг. XVIII века один из членов этого семейства, Иван Стахеевич Мартьянов, уже числился купцом г. Петрозаводска.³

ТАБЛИЦА
о происхождении купцов и мещан г. Петрозаводска
(май 1779 г.)⁴

Сословная принадлежность	Перечислено из Олонечского магистрата	Из мещанства перешли в купцы	Из тихвинских купцов	Вновь из крестьян записано			Всего
				Приписных крестьян	Госуд. и экономич. крестьян из разных уездов	Из крепостных и дворовых	
а) купцы . . .	25	14	1	123	20	2	185
б) мещане . .	601	—	—	771	69	22	1463
Итого: .	626	14	1	894	89	24	1648

Из приведенной таблицы видно, что в числе крестьян, вновь записавшихся в городское сословие, приписных крестьян было свыше 90%. Кроме того, небольшое количество было из государственных и экономических крестьян Петрозаводского и соседних с ним уездов.⁵ В их числе

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2159, лл. 1412—1413.

² В 1778 году Стафей Мартьянов объезжал селения Ребольского погоста «за сбором прежних по письмам долгов». ЦГА КАСР, ф. ПГМ, оп. 3, д. 10/81, л. 44; Ленинградская публичная библиотека, рукоп. отд., собр. автографов, № 5381.

³ ЦГА КАСР, ф. КОПЗ, кн. 251, лл. 273—274.

⁴ ЦГА КАСР, ф. ПГМ, оп. 3, д. 3/25, лл. 183—184.

⁵ В 1779 году постоянными жителями Петрозаводска было купцов 71 и мещан 150. (Там же, лл. 184—185.)

значился государственный крестьянин Паданской округи Семчезерского погоста Святнаволоцкой волости Севастьян Вонифантьев, бывший в 1767 году депутатом в Комиссии по составлению нового «Уложения». При поступлении в петрозаводское купечество Вонифантьев объявил капитал 550 рублей. Вообще из Святнаволоцкой волости в последней четверти XVIII столетия в петрозаводское купечество и мещанство перешла значительная часть крестьян и даже одна из улиц Петрозаводска называлась Святнаволоцкой.

Среди купцов, упомянутых в ведомости 1770 года, значится В. Васильев, вышедший из крестьян Шелтозерской волости и занимавшийся в 1740—1750 гг. подрядами по перевозке заводских грузов. В 1770 году он числился купцом г. Фридрихсгама и постоянным жителем Петербурга. В это же время в столице проживали Ермил Козьмин из Кижского погоста, Петр Елисеев из Корельской трети и другие выходцы из приписных крестьян. В отношении некоторых из них в ведомости отмечено, что хотя они «и обращаются за купечеством в Петербурге, но при отчине своей имеют дома и наследников».¹

За исключением 1777—1779 гг., статистических данных о переходе олонецких приписных крестьян в купечество и мещанство нет, а поэтому автор вынужден ограничиться приведением частичных данных, характеризующих ту или другую сторону этого процесса. На примере многолетних настойчивых просьб крестьянина Ладвинской волости Петра Иванова можно видеть, что переход из приписного крестьянства в городские сословия был особенно затруднительным в 90-х годах XVIII века в связи с расширением деятельности Олонецких горных заводов. В 1797 году П. Иванов возбудил ходатайство о переводе его семейства в состав купечества города Петербурга, объявив собственный капитал в 500 рублей и приложив справку о найме за свое семейство рекрута, увольнительную записку от мирского общества, решение о согласии на прием его от петербургских купцов и письменное обязательство братьев выполнять за него обязательные заводские работы.²

Несмотря на полное оформление необходимых документов, в 1797 году Берг-коллегия не разрешила Иванову перейти в купечество. Спустя два года он снова возобновил ходатайство, но и на этот раз его просьба была отклонена. Только в начале XIX столетия Иванов добился перевода своего семейства в состав купечества Петербурга.³

В 1797—1799 гг. 38 приписных крестьян Кижской, Салменижской, Шуйской и Петропавловской вотчин просили разрешения на право переселения в г. Гатчину (в числе их были карелы Пабоев, Веденеев и др.), но Берг-коллегия приказала запретить этим крестьянам переход.⁴ Аналогичным примером является дело приписного крестьянина карела Андрея Артемьева (Вешкельская волость), который в 1797 году получил все необходимые документы на перевод в посад Петербурга. В августе 1799 года Берг-коллегия, рассматривая прошение Артемьева, сослалась на недостаток приписных крестьян Олонецких горных заводов и приказала оставить Артемьева в прежнем сословии.⁵

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1303, лл. 30—33.

² Там же, кн. 2217, лл. 49—52, 59, 60 и др.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 2217, лл. 49—52, 59, 60 и др.

⁴ Там же, кн. 2247, лл. 499, 501, 504; ЦГА КАССР, ф. ОГП, оп. 5, д. 34/165, лл. 41—42. В Берг-коллегии сделали заключение, что это противоречит интересам Олонецких заводов.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 2247, лл. 470—473.

Характерно, что в 1797—1798 гг. только 5 человек пытались записаться в посадские, а остальные 35 человек — в купечество.¹ Это обстоятельство указывает на то, что деревня в то время выделяла сезонных рабочих, а уход в постоянные кадры промышленности имел еще малое место. В ремесленные цехи выделялось тоже небольшое количество крестьян. Только в XIX столетии из десятилетия в десятилетие увеличивается удельный вес перешедших в ряды городских ремесленников и фабрично-заводских рабочих.

Часть подрядчиков и торговцев, накопивших значительные суммы денег, приобретала промышленные предприятия. Именно таким путем в середине XVIII столетия в Олонецком крае возникают частные лесопильные и железоделательные заводы.

Возникновение частных заводов с наемными рабочими свидетельствовало о появлении капиталистической мануфактуры, в формировании которой приняли участие и приписные крестьяне. Это участие выразилось не только в том, что крестьяне нанимались на работу на эти предприятия, но и в том, что из верхушки приписной деревни вышли владельцы некоторых лесопильных и железоделательных заводов. В этом отношении Олонецкий край не был исключением от остальных областей России. Именно в период мануфактуры зарождалась промышленная буржуазия, выросшая среди купцов и ростовщиков.

Первый небольшой железоделательный завод, основанный приписным крестьянином Корельской трети Ф. Терентьевым в 1731 году на реке Тивдии, уже имел свою историю. В одном из документов за 1729 год отмечено, что приписные крестьяне И. Антонов и Ф. Терентьев имели в конце XVII и начале XVIII вв. на реке Тивдии «малую молотовую, где ковали уклад и железо водяным молотом». Во время строительства Олонецких Петровских заводов деятельность молотовой была запрещена, но в конце 20-х гг. XVIII века заводская администрация считала вполне возможным разрешить возобновление этого завода.² Завод начал свою деятельность в 1731 году и работал только в зимние месяцы. В 30-х гг. на Тивдийском заводе ежегодно выковывалось около 200 пудов железа и уклада из криц, покупаемых у окрестных крестьян. Деятельность этого завода была непродолжительной, и в начале 40-х гг. он прекратил свое существование.³

Второй частный металлургический завод в Олонецком крае был построен приписными крестьянами С. Алексеевым и К. Мурашевым на реке Вохте в 1739 году.⁴ Этот завод производство железа основал на переработке криц, которые плавилась в своих 7 сыродутных домницах.⁵

Не только частные, но и казенные вододействующие металлургические заводы были тесно связаны с крестьянской железоделательной промышленностью. Известно, что в 30—40-х гг. XVIII века крестьяне поставляли кричный чугун на Кончезерский завод. Например, в 1732 году приписные крестьяне Мунозерского конца, Корельской трети, Сямозерской и других волостей поставили на Кончезерский завод 2 тыс. пудов сыродутного железа. Почти половина металла была продана

¹ Исключение составила запись крестьян в мещанство Петрозаводска в конце 70-х гг.

² О. И. Васильевская. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. Петрозаводск, 1954, стр. 25, 38.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 665, лл. 90, 143.

⁴ В 80 верстах от Петрозаводска.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 665, л. 91.

крестьянами Мунозерского конца, на территории которого и возник в 1739 году Вохтозерский завод. Основатель этого завода приписной крестьянин Сямозерской волости С. Алексеев только в 1732 году продал на Кончезерский завод свыше 100 пудов сыродутного железа.¹

Казенное горнозаводское ведомство было постоянным потребителем карельского уклада. В архивных документах 20—70-х гг. XVIII века встречаются многократные упоминания о покупке карельского уклада для сверления пушек, а также о покупке бурового железа на рудники и для мраморных разработок. В 1760 году заводская администрация отмечала, что уклад и железо, поставляемые крестьянами Шуезерского погоста, обладают высоким качеством. Здесь же отмечалось, что в прежние годы это железо употреблялось к поковке цренов, а из уклада изготавливались буры для рудников Медвежьего острова.²

С 1761 по 1776 год в разных местах края было построено 6 заводов (Киворецкий, Вичко-Алексеевский и др.). Расширил свою деятельность и Вохтозерский завод, на котором в 60-х гг. XVIII века было до 50 вольнонаемных рабочих. Некоторые заводы имели доменные печи, и большинство железа выковывалось уже не из сыродутных криц, а из доменного чугуна. Большая часть рабочей силы Вохтозерского, Киворецкого и Тивдийского заводов состояла из приписных крестьян казенных заводов, работавших у частных предпринимателей «по вольному найму» на кабальных условиях.

Феодальные порядки, ставившие крестьян в бесправное положение, губительно отражались на развитии частной промышленности Олонецкого края. В результате судебных тяжб и нападок со стороны смотрителя Кончезерского завода Бланка был совершенно разорен основатель Вохтозерского завода Степан Алексеев и нанесен большой ущерб его компаньону А. Мурашеву.³

Второй причиной, тормозившей развитие предпринимательской деятельности зажиточных олонечких крестьян и купцов, было то обстоятельство, что владельцы заводов, не имея приписных и посессионных крестьян, все же пытались перенести крепостнические порядки на свои взаимоотношения как с заводскими наемными работниками, так и с крестьянами, заключавшими соглашения на поставку железной руды и древесного угля.

Если заводовладелец имел возможность «задобрить» горнозаводских чиновников, то они ему покровительствовали и принуждали работников к послушанию. С середины 70-х гг. XVIII века отношение заводской администрации к частной промышленности резко изменилось,⁴ так как в связи со строительством и расширением деятельности казенных заводов приписные крестьяне были заняты выполнением заводских работ.

Наконец, расширение в 70-х гг. деятельности казенных Олонецких заводов, имевших в своем распоряжении многотысячную армию приписных крестьян, и отсутствие среди владельцев частных заводов знатоков металлургического производства были не последними причинами, приведшими к тому, что частные заводы, не получив надлежащего раз-

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1054, лл. 296—297 и др.

² ЦГА КАССР, КОПЗ, кн. 2, л. 44; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1171, лл. 213—214 и др.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2073, лл. 900—901, 903—904 и др.

⁴ Были случаи, когда заводские власти отзывали приписных крестьян с частных заводов для выполнения повинностей.

вития, быстро захирели. В 60—70-х гг. выплавка чугуна была на них доведена до 20—22 тыс. пудов, а потом начала быстро сокращаться. К началу 80-х гг. частные металлургические заводы прекратили существование и по данным 1798 года видно, что во всем Петрозаводском уезде действовала только одна частная «молотовая фабрика для делания железа» при одной из мукомольных мельниц Линдозерского погоста.¹

Таким образом, во второй половине XVIII столетия мелкие железоделательные промыслы угасали, а частные чугунолитейные заводы оказались нежизнеспособными. Наиболее заметно свою жизнеспособность частный капитал проявил в лесопильной промышленности, которая не была связана с горнозаводским ведомством и до конца XVIII века не подвергалась ограничениям.

Если в первой половине XVIII века все лесопильное производство Олонецкого края было сосредоточено в Олонецком уезде (по административному делению конца XVIII в.), то во второй половине XVIII в. строительство новых заводов разворачивается в средней и даже северной части края.

В последней четверти XVIII века в Петрозаводском уезде и в г. Петрозаводске возникло 7 частных «пильных мельниц» на реках Лижме, Шокше, Ивине, Лососинке и Неглинке. Владельцами 2 «пильных мельниц» на реке Ивине был купец Яишников, на реке Шокше купец Варапайкин, на реке Неглинке купцы Драницын и Карманов.² Все они были выходцами из приписных крестьян. Владельцем Уницкой «пильной мельницы» был купец Корниил Мижуев, тоже вышедший из среды приписного крестьянства. Кроме того, приписной крестьянин Толвуйского погоста Захарьев стал в конце 90-х гг. совладельцем самой северной «пильной мельницы» Олонецкого края, возникшей в 1794 году на реке Кумсе в Повенецком уезде, а в устье реки Лососинки в 90-х гг. было намечено строительство пильной мельницы петрозаводского купца Герасима Гагаринаова.

В конце XVIII столетия горнозаводское начальство начало наступление против частных лесопильных заводов — («пильных мельниц»), мотивируя это заботой о сохранении казенных лесов. Обладая лесной дачей с площадью свыше 1 млн. десятин, Олонецкое горное правление не только в 90-х гг., но и спустя пятьдесят лет не имело точного плана лесной дачи и вело лесное хозяйство совершенно беспорядочно. Для лесопиления в горнозаводских дачах заготавлилось всего около 40 тыс. бревен и в тех местах, где не производилась рубка древесины для горнозаводского ведомства. Однако все это не помешало начальству горных заводов добиться запрещения действия ряда лесопильных заводов.

В начале XIX столетия все упомянутые выше предприятия (кроме Уницкой, Кумсинской и Лижемской «пильных мельниц») были закрыты.

II

Несмотря на возникновение частных заводов, а также развитие подрядов и связанных с ними судоходства и извоза, во второй половине XVIII века значительно возросло отходничество. Если в первой четверти

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2117, л. 618; кн. 2216, лл. 3, 253, 254.

² ЦГА КАСР, ф. КОПЗ, д. 242, л. 94.

столетия заводская администрация крайне редко разрешала приписным крестьянам уходить на отхожие промыслы, то с 30-х гг. в связи с сокращением заводского производства канцелярия Олонецких Петровских заводов вполне легализовала отходничество приписных крестьян.

В 20-х гг. в стране была введена паспортная система, и для отлучки от дома дальше 30 верст требовался паспорт.¹ Паспорта приписные крестьяне получали в канцелярии заводов, куда являлись с «доношением» от своего старосты. В доношении староста сообщал, что данные крестьяне на рекрутской очереди не состоят, недоимок за ними нет, а заводские работы и другие повинности выполняют их родственники или другие поручатели. После этого, уплатив пошлину и взятку чиновнику, крестьяне с паспортами отправлялись на поиски заработка в Петербург, Ригу, Ревель, а также в Московскую, Новгородскую и другие губернии империи.

По сведениям канцелярии заводов видно, что в 30-х гг. ежегодно выдавалось около 850 паспортов,² а в 60-х гг. около 2 тыс. паспортов ежегодно. Один раз в полтора-два года паспортные бланки, изготовленные в Петербурге, доставлялись в канцелярию заводов в количестве 5 тыс. штук. Так, с мая 1761 по март 1765 года было получено 10 тыс. бланков и в остатке было всего 300 штук, и канцелярия сообщила, что паспортов «в год более двух тысяч в расход употребляется». Весной 1763 года и осенью 1771 года канцелярия за неимением печатных бланков была вынуждена выдавать письменные паспорта, жалуюсь, что «крестьяне приходят за паспортами непрестанно».³

Фактически отходников было больше количества выданных паспортов, так как часть крестьян уходила совсем без паспортов, проживала в отходе с просроченными паспортами или получала новые в Петербурге.

Несмотря на строгие указы о соблюдении паспортного режима, приписные крестьяне могли обходиться и без паспорта, проживая долгие годы вдаль от родных мест. В 1748 году выяснилось, что на Тульском заводе длительное время работают плотниками два беглых приписных крестьянина из Толвуйского погоста и один из Шуйского погоста. В 1754 году в канцелярии Олонецких Петровских заводов допрашиваемый «с пристрастием» беглый приписной крестьянин Кузарандской волости И. Федоров рассказал, что в 1741 году он пришел в Петербург с годичным паспортом и, проработав здесь год, направился в Москву, где работал «у разных обывателей» около года. Из Москвы он ушел в Зубцовский уезд и работал 3 года на железоделательных заводах, где и «ревизию миновал». Потом в должности молотового подмастерья он пробыл 3 года в Перемышльском уезде на заводе И. Баташева. Наконец, «полтрети года» он был уже молотовым мастером на Серпийском заводе Гончарова. Все 12 лет Иван Федоров жил без паспорта, а в 1754 году явился добровольно в «отечество».⁴

Вышеупомянутые крестьяне не были исключением. Несмотря на строгости, из десятилетия в десятилетие росло число беспаспортных

¹ Полное собрание законов, т. VIII, № 5676.

² За каждый паспорт взималось по 2 коп., и с 1735 по 1738 год за 27 месяцев было выдано паспортов на 38 руб. 38 коп., то есть в среднем 852 паспорта в год (ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 783, л. 63).

³ С 1764 года за одnogодичный паспорт взималось 10 коп. и за трехгодичный 1 рубль.

⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1418, лл. 342—343, 356; кн. 2054, лл. 137, 142.

отходников. В указе канцелярии Олонецких Петровских заводов от 27 апреля 1772 года отмечено, что «в разные города и уезды без паспортов и с просроченными паспортами разошлось весьма немалое число».

По именному реестру, представленному в августе 1772 года в полицмейстерскую канцелярию Петербурга, видно, что, даже по неполным данным, таких беспаспортных только в Петербурге числилось свыше 70 человек, в том числе из Кондопожской волости 12, Вырозерской 9, Толвуйского погоста 12, Кижской трети 6 человек и т. д.

Из документов 1774 года видно, что беспаспортных отходников по одной Сямозерской волости числилось 66 человек, которые жили по деревням около Олонца, работали на «пильных мельницах», у ломки камня и т. д. В то же время 24 беспаспортных отходника Шокшинско-Шелтозерской волости находилось в Петербурге. На многократные запросы горнозаводских властей столичная полиция отвечала, что олонецкие приписные крестьяне «в сыску и в жительстве не оказались». Спустя два года, в 1776 году Берг-коллегия снова отмечала, что «многие приписные к Олонецким Петровским заводам государственные крестьяне, отбыв из своих жительств без получения от команды паспортов, находятся в отлучке немалое время». ¹ Высылка из столицы беспаспортных приписных крестьян наблюдалась и в первой половине XIX века.

В конце 1760 года канцелярия заводов отмечала, что «в одном году с пашпортами годовыми, не включая временных, в отпуску тысяч до трёх бывает, и затем уповательно и без пашпортов однакож годные в работы шатаются в разных местах». ² Канцелярия Олонецких Петровских заводов неоднократно указывала и причину этого явления: «Здешние приписные крестьяне никаких к пропитанию себе промыслов не имеют, а по большей части за недородом хлеба отлучаются в другие города и тем как подушные деньги, так равно и всякие государственные подати уплачивают». ³

Рост отхода в конце 60-х гг. XVIII века принимает угрожающие размеры для выполнения принудительных горнозаводских вспомогательных работ. Заводская администрация насильственно задерживала на месте жительства систематически голодающих крестьян, что еще более обостряло противоречия между феодалами и приписными крестьянами. В июле 1769 года Берг-коллегия отказала в выдаче очередных 5 тысяч паспортных бланков в канцелярию заводов, так как на Петровском и Кончезерском заводах было предложено начать литье пушек. Выдача паспортов была снова возобновлена с осени 1771 года. В апреле 1772 года, в связи с предполагаемым строительством Александровского завода и наличием большого числа приписных крестьян в отлучке без паспортов, М. Ф. Соймонов приказал на 1772 год паспорта олонецким приписным крестьянам выдавать только в случае крайней нужды, да и то не более, чем на 2—3 месяца. ⁴

Выдача паспортов была возобновлена с середины 70-х гг. XVIII в. и в 20-х гг. XIX в. ежегодная выдача их колебалась от 2700 до 3400 штук. На первом месте стояла Рыборецкая вотчина, в которую входили

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1326, лл. 484—485, 508—513; кн. 1358, л. 76 и др.

² Там же, ф. 1 департ. Прав. сената, д. 29/3892, л. 185; ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 250, л. 111.

³ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 235, л. 92; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1224, л. 510.

⁴ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 262, л. 398.

Шелтозерская, Шокшинская и другие волости с развитым отхожим промыслом.

Из общей массы отходников на первом месте стояли плотники, которых поставляли преимущественно приписные погосты Заонежья. Олонецкие плотники работали на петербургских верфях, на строительстве царских дворцов в Петербурге, Москве и Царском Селе, на Тульском оружейном заводе, на ремонте шпиля Петропавловского собора, на строительстве дома графа Разумовского в Киевской губернии и т. д.¹ В 1772 году артель олонецких плотников была в Астрахани «ради построения, за выгорением того города». Когда часть из них, оказавшихся беглыми и с просроченными паспортами, заводская администрация потребовала выслать, то астраханские губернские власти ходатайствовали о выдаче этим отходникам новых паспортов, так как «в таковых знающих плотническое и столярное мастерство людях настоят крайняя надобность». Причем, олончане были в Астрахани не впервые. Осенью 1768 года астраханский губернатор Бекетов просил канцелярию Олонецких заводов прсдлить до зимнего пути паспорта 11 приписным крестьянам, которых в январе того года подрядили в Москве на плотнические и столярные работы. В обоих случаях это были приписные крестьяне Кузарандской волости.²

Немало олонецких приписных крестьян плавало матросами, шкиперами и лоцманами на галиотах, соймах и др. судах по Онежскому и Ладожскому озерам, по рекам Свири и Неве, а иногда по Балтийскому морю.³

В XVIII и даже в начале XIX столетия олонецкие приписные крестьяне плавали из Онежского озера в Финский залив на рыбные промыслы. Эти далекие и небезопасные переходы были вызваны хорошим спросом на рыбу со стороны рыборотговцев столицы.

Еще в 80-х годах XVIII века Державин писал о жителях Кижского погоста, что хлебопашество их «в небрежении» по причине каменистой почвы и отходничества в города. Главный промысел кижан,— писал Державин,— «состоит в ловле в Вере́йском море воротницами сегов. Многие ходят из них в Петербург и питаются столярным ремеслом, в коем весьма искусны...»⁴

Академик Озерецковский, путешествовавший по Олонецкому краю в 80-х гг. XVIII столетия, записал, что жители села Щелейки первого «жительства от свирской вершины к Петрозаводску» каждую весну ездили на лодках с воротницами (разновидность невода) для рыбной ловли в устье реки Невы, где и жили 5—6 недель, то есть до полевых работ на родине.⁵

Небольшая группа приписных крестьян Выгозерского погоста в XVIII веке ежегодно уезжала на океанские рыбные и зверобойные

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 197, л. 192; кн. 1418, лл. 342—343; ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 190, л. 27; кн. 265, л. 217 и др.

² ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 246, лл. 1—2; кн. 263, л. 564; кн. 264, л. 464.

³ Там же, кн. 191, л. 32. Один беглый приписной крестьянин из Великогубской трети около 11 лет работал у корабельного строения в г. Архангельске, а потом 2 года по найму был на морских рыбных и звериных промыслах.

⁴ Г. Р. Державин. Поденные записки. Архив Института русской литературы. Ленинград, лл. 10—11.

⁵ Н. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб, 1812, стр. 174—175. Продав местным жителям лодки и воротницы, рыбаки пешком возвращались на родину.

промыслы. Снаряжаемые Выгорецким общежитием промысловые суда достигали не только Новой Земли, но и далекого Груманта (Шпицбергена).¹

Почти все специальности олонецких отходников состояли из первоначальных навыков, приобретенных ими еще на родине. Так, шелтозерцы и шокшинцы с давних времен производили каменотесные работы на Брусненском острове, заонежане ловили рыбу в Онежском озере, а выгоречане ходили промыслять на Белое море и т. д., а все они вместе дома и плотничали, и столярничали.

Однако наряду с выполнением «черных», домашних, плотницких, каменотесных и тому подобных работ часть отходников в городе приобретает новые специальности. Мы уже видели, как отходник стал молотовым мастером. В другом случае приписной крестьянин длительное время был «мастером серебряного художества» и т. д.

Большая часть отходников с паспортами и без паспортов уходила в Петербург и Петербургскую губернию.² На первом месте по числу отходников были погосты Заонежья (Кижский, Великогубский, Толвуйский и др.) и Остречинский погост,³ так как они ближе всего лежали к водному пути Онежское озеро — река Свирь — Ладожское озеро — река Нева. Это характерно как для XVIII, так и для XIX и начала XX вв. Конечно, это положение не было исключением только для отходников Олонецкого края. Огромный город с его обширным строительством, — Петербург привлекал из разных районов массу отходников и беглых крестьян.

Олонецкие приписные крестьяне работали в Астрахани, Туле, Москве, Киевской губернии, Архангельске, на промыслах в Северном Ледовитом океане и в Финском заливе. В Москве олончане бывали довольно часто. Выше уже упоминалось, что астраханский губернатор в Москве нанимал олонецких плотников. Уже в 30—40 гг. XVIII века несколько олонецких приписных крестьян было занято на «черной работе», плотничали на строительстве дворца и т. д.⁴ В 1765—1771 гг. крестьянин Толвуйского погоста Филат Федоров плотничал в Москве и в Тамбовском уезде, а в 1771 году при следовании на барке в Киев был схвачен как беспаспортный. В 1771 г. в Москве был арестован кижанин Яков Кудров, так как при подряде на строительство дома он предъявил паспорт, «составленный воровски». Оказалось, что Кудров свыше 7 лет назад приехал в Москву с паспортом и занимался плотницким и столярным делом, а после того он в «Зарядье под горой в питейном доме купил у старика паспорт за 3 рубля». В 1776 году из Москвы на Петровские заводы был выслан беспаспортный приписной крестьянин Вырозерской волости Василий Насонов, показавший, что много лет тому назад он ушел в Москву с годовым паспортом и работал в разных работах; в ревизию 1764 года не был записан, так как к тому времени

¹ Н. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб, 1812, стр. 321.

² Из архивных документов видно, что приписные крестьяне работали в Петербурге, Кронштадте, Ладоге, Царском Селе, Сестрорецке и т. д.

³ В конце 90-х гг. XVIII века часть территории Остречинского погоста была включена в состав вновь образованной Рыборецкой вотчины.

⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1419, лл. 17, 18 и др.

уже не имел паспорта. Как видно, Насонов жил в Москве 25—30 лет.¹ В 1774 году в отношении 10 беспаспортных отходников земская изба Шокшинско-Шелтозерской волости сообщала, что «они больше хлебо-едами, нежели хлебопашцами почитаться должны, каковые от них пашни остаются втуне и разрастаются лесной порослью».²

По архивным делам, в которых отложилась случайная переписка, возникшая по поводу просрочки паспортов, выполнения рекрутской повинности и т. п., видно, что олонецкие приписные крестьяне работали в Риге, Малоярославце, Ревеле, Новгородской губернии и т. д. Одни отходники бродили по большим дорогам в поисках случайных работ, а другие, в силу каких-либо обстоятельств выбитые из колеи, даже просили милостыню.³

Несмотря на препоны со стороны заводского ведомства, число отходников росло из года в год. Отходничество явилось одним из главных факторов, разрушающих натуральный и полунатуральный строй олонецкой приписной деревни и способствующих развитию товарно-денежных отношений.

III

Наемная работа плотников, связанная с отходом, имела место еще в XVII веке, но в первой четверти XVIII века она была парализована массовыми наборами на строительство Олонецких Петровских заводов. Дальнейшее развитие этот отхожий промысел получил во второй четверти XVIII столетия, после сокращения обязательных работ. Наемные рабочие работали на «пильных мельницах», у подрядчиков на лесозаготовках, на галиотах и соймах судовладельцев. Кроме того, богачи из приписных селений применяли наемную рабочую силу при выполнении подрядов по заготовке железной руды, извести, горнового камня и т. д.⁴ Значительное количество строительных рабочих уходило в отход из приписных деревень Присвирья и Заонежья.

Выполнение подрядов по строительству каменных набережных петербургских рек: Фонтанки, Невы и Мойки, укреплению Кронштадта, строительству каменных домов в Петербурге и Москве приписные крестьяне начали производить еще в первой половине XVIII столетия. Кроме того, приписные крестьяне заготавливали и доставляли в Петербург тивдийский и сердобольский мрамор, шокшинский порфир и другие виды строительного и облицовочного камня.

Уже в 40-х гг. XVIII века в Берг-коллегию являлись крестьяне Шелтозерской волости и просили продлить паспорта, указывая, что они находятся «при казенной каменной работе» в Кронштадте.⁵ В 1764 году приписные крестьяне в числе 41 человека, работавшие «у строения каменных по Неве реке берегов», просили новые паспорта на 2 года вперед,

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 985, л. 201; кн. 1359, лл. 367—368; ЦГА КАСР, ф. КОПЗ, кн. 265, лл. 441—442; кн. 254, л. 91; кн. 190, л. 27 и др.

² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1326, л. 491.

³ ЦГА КАСР, ф. КОПЗ, кн. 238, л. 123; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1054, лл. 397—398 и др.

⁴ В 40—50-х гг. XVIII века некоторые из богатых приписных крестьян Кижской и Корельской третей привлекались к ответственности за то, что нанимали в работники беглых крепостных крестьян.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 237, л. 163.

так как старым паспортам истек срок.¹ За крестьян ходатайствовала контора строения, которая, как правило, имела дело с подрядчиками, а не с отдельными крестьянами. Подрядчиками же являлись наиболее зажиточные приписные крестьяне.

В 60-х гг. XVIII века богатые крестьяне Шелтозерской (например, Варапайкин) и других волостей выполняли подряды по строительству набережной Екатерининского канала в Петербурге, по доставке и обработке «дикого морского камня» и т. п. Все эти подрядчики нанимали работников в Шелтозерской, Шокшинской и Муромской волостях. Только один богатый крестьянин Остречинского погоста Ф. Попов в 1767 году взял подряд на 3600 руб. и нанял 60 работников.² В 70-х гг. XVIII века купцы и богачи из среды приписных крестьян выполняли «каменные работы» в Петербурге и на Ладожском канале, нанимая на работу приписных крестьян из этих волостей. Канцелярия Олонецких горных заводов, неоднократно ссылаясь на камер-коллежский регламент (п. 22), по которому «крестьян ни в откупа, ни в подряды... допускать не велено», но все же систематически давала разрешения на вербовку работников и оказывала содействие подрядчикам в розыске беглых.³

В 1781—1783 гг. только один купец Ефим Бекренев (вышел из приписных крестьян Остречинской вотчины) на строительство набережной реки Фонтанки и на собственные галиоты и соймы нанимал сотни приписных крестьян Остречинского, Шуйского и других погостов и волостей. В январе 1781 года Бекренев нанял около 100 работников на разные работы.⁴

В XIX веке шокшинских и шелтозерских «каменотесцев» можно было видеть на строительстве укреплений Кронштадта, каменных мостов и набережных в Петербурге и т. д. Приписанные к Олонецким горным заводам в начале столетия, крестьяне Рыборецкой волости тоже занимались каменотесным промыслом. В своей челобитной крестьяне просили их к заводам не приписывать, а оставить «в прежнем каменнообдельном состоянии».⁵

Из приписных деревень Заонежья в XVIII и первой половине XIX века уходило много плотников и столяров. Подавляющее большинство плотников и значительная часть столяров были наемными рабочими.

В начале 70-х гг. XVIII века на строительстве Александровского пушечного завода работало по «вольному найму» значительное число приписных крестьян. Эти наемные рабочие, с одной стороны, нанимались канцелярией заводов, а с другой стороны — подрядчиками. Так, подрядчик Копалин (крестьянин Корельской трети) в 1772 году при строительстве ряда зданий имел 20 работников, а в 1773 году при постройке 10 казенных домов у него было свыше 30 наемных работников. В договоре с канцелярией заводов Копалин давал обязательство «быть

¹ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 237, л. 163.

² Там же, кн. 246, л. 49, 206; кн. 258, л. 68.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1329, л. 429; кн. 1335, лл. 329—333; кн. 2159, лл. 483—485 и др.

⁴ ЦГА КАССР, ф. ПГМ, оп. 3, д. 33/288, лл. 1—10, 32—37, 107; д. 33/289, лл. 97, 120; д. 71/586, лл. 1—69 и др.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии. В. 29, папка 7, кн. 121, лл. 4—6. В начале XIX века олонецкие приписные крестьяне работали в Петербурге на строительстве Обводного канала.

в послушании и работников к тому принуждать». ¹ В 1772—1773 гг. приписные крестьяне по найму работали на строительстве заводских плотин, на распиловке теса, выполняли земельные работы и т. д. ²

В конце 80 и в 90-х гг. XVIII века во время перестройки и постройки ряда цехов Александровского завода из приписных селений нанималось от 100 до 250 плотников, столяров, пильщиков, кузнецов и чернорабочих. ³ В летнее время в рабочей силе ощущался недостаток. Так, в июле 1788 года в рапорте заводского пристава упоминается «о великом недостатке работников» и содержится просьба выслать из Остречинской вотчины недоимщиков. ⁴

Наем приписных крестьян на строительные работы на Александровском заводе в 70—90-х гг. XVIII века носил временный характер. В первой половине и середине XVIII века, а также в XIX веке основная масса плотников и столяров из Заонежья работала по найму в Петербурге и др. крупных городах России. Часть столяров работала в столярных мастерских.

Кроме плотников, столяров и каменотесов, к дальнему отхожему промыслу можно также отнести судоходство. Этот старинный промысел получает значительное развитие с середины XVIII столетия.

Выше уже было сказано, что во второй половине XVIII века увеличилось количество подрядов, сдаваемых заводской администрацией подрядчикам из среды приписных крестьян и купечества. Если еще в 20—40-х гг. XVIII века при заключении подрядных контрактов предусматривалась «нагрузка и погрузка казенным коштом», «для погрузки судов нарядить 20 приписных крестьян» и т. п., то, начиная с 50—60-х гг. такие оговорки становятся все более редкими и применение наемного труда при выполнении подрядов становится обычным явлением (подряды выполняются «своими работными людьми»). ⁵ Все это вело к постепенному развитию капиталистических отношений.

Применение наемного труда на вспомогательных заводских работах особенно увеличилось после издания манифеста от 21 мая 1779 года. На примере этих работ можно проследить взаимосвязь вытеснения крепостного труда в горной промышленности с ростом классовой борьбы приписного крестьянства против феодальных порядков. Именно борьба приписных крестьян в 60—70-х гг. привела к изданию манифеста 1779 года и к сокращению перечня обязательных заводских работ. Все работы по добыче железной руды и выжигу древесного угля стали производиться через подрядчиков наемными работниками.

Подряды на добычу железной руды брали богатые приписные крестьяне и петрозаводские купцы. В 70-х гг. XVIII века — 30-х гг. XIX века большие партии железной руды (до 200 тыс. пудов) добывали приписные крестьяне Мунозерского конца Курмовец, Линдозерского погоста Трухпоевы и другие, нанимая десятки и сотни работников.

Подрядчики при найме крестьян к выполнению взятых в подряд заводских работ закабалили их выдачей задатков. Например, при найме

¹ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 264, лл. 55—56; кн. 266, л. 827. Суммы подрядов Копалина доходили до 1500 руб.

² Там же, кн. 266, л. 1134; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2181, л. 383 и др.

³ ЦГА КАССР, ф. ОКП, оп. 51, д. 325, 273; д. 3/8, лл. 47—48; д. 4/10, л. 199.

⁴ Там же, д. 2/4, лл. 331—332.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 197, л. 290; кн. 78, л. 19; кн. 1290, л. 14—42; кн. 2195, лл. 310—311; кн. 2149, л. 404 и др.

крестьян для добычи железной руды из озер подрядчики выдавали в виде задатков муку, цены на которую они так повышали, что «крестьяне для отработки долга, будучи отвлекаемы на сию работу в летнее время, за всем тем еще оставались в недоимке...»¹

Тесно связанные с подрядчиками заводские чиновники высылали должников «с такой строгостью, что пока крестьянин не заработает долга рудопромышленнику и не представит о том письменных справок»,² то его не отпускали домой.

Если заготовка железной руды для Олонекских казенных заводов производилась через подрядчиков, то такой способ заготовки древесного угля, имевший место в XVIII веке (в 80-х гг. подрядчик Анцыферов нанимал до 400—500 работников),³ к началу XIX века был постепенно заменен непосредственным наймом углежогов («по договорам»).

Углежогги были самой обездоленной категорией из работников, работавших на вспомогательных заводских работах. Подрядчики и заводские чиновники в зимние и весенние голодные месяцы закабалили бедняков, заставляя их за гроши выполнять тяжелую работу. В 80—90-х гг. XVIII века закабаленные углежогги получали за выжиг кучи 15—20 руб., тогда как уже в декабре 1791 года крестьяне, не имевшие кабальных обязательств, заявляли, что меньше 40 руб. за кучу они не возьмут. Ничтожная плата часто становилась еще более мизерной, так как закабаленные работники были опутаны круговой порукой. Так, в 1791 году с 4 крестьян Кондопожской волости, выполнивших свои обязательства, заводская администрация взыскивала 15 руб., которые были выданы их товарищу, умершему в самом начале работы.⁴ Со многих углежогов взыскивался штраф ввиду того, что во время сильных зимних ветров нередко из кучи выходило вместо положенного минимума 65 коробов угля, 20—30 коробов.⁵

Закабаленные углежогги оказывали пассивное сопротивление. В 1787—1788 гг. было особенно много побегов. Осенью 1791 года заводская администрация предписывала полиции, чтобы она «без всякого послабления» высылала углежогов в курени. В сентябре—ноябре в распоряжениях часто повторяются выражения: «из селений высылать неослабно»; в дровосеках (курнях) за углежоггами «наикрепчайшее иметь смотрение»; «к работе принуждать неослабно» и т. д.

Так выглядел вольнонаемный труд на работах по заготовке древесного угля. На этих работах в 80—90-х гг. XVIII века ежегодно в течение 2—3 месяцев было занято от 500 до 800 работников.

Под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений и роста денежных повинностей приписные крестьяне все больше отвлекались на отхожие промыслы и были вынуждены сдавать обязательные заводские работы подрядчикам из среды богатых приписных крестьян и купцов, находившихся под покровительством заводских чиновников. Вместо отработок крестьяне платили деньги. Происходил процесс

¹ ЦГА КАССР, ф. ОГП, оп. 8, д. 53/534, л. 1696 и др.

² Там же.

³ Там же, ф. ОКП, оп. 51, д. 1/2, лл. 20—21, 339—342; д. 2/4, лл. 10—14 и др.; в 1787 г. у Анцыферова числилось до 270 работников, покинувших работу в знак протеста против приказа Гаскойна о выжиге угля отдельно из березовых, еловых и сосновых дров. Вскоре это «новшество» было отменено.

⁴ ЦГА КАССР, ф. ОКП, оп. 51, д. 5/15, л. 247; д. 2/5, л. 248; д. 6/17, л. 25 и др.

⁵ В короб вмещалось 20 пудов древесного угля.

перехода от отработочной к денежной феодальной ренте. Наиболее беднейшая часть крестьян закабалялась подрядчиками и была вынуждена поступать к ним в сезонные рабочие для рубки куренных дров и к возке угля и железной руды на заводы. Таких рабочих в первой половине XIX века ежегодно насчитывалось от 2 до 3 тыс. пеших и конных.¹

В 50—70-х гг. XVIII века некоторое количество приписных крестьян работало по найму на частных металлургических заводах, выполняя основные и вспомогательные работы. В 60—70-х гг. на Вохтозерский и другие заводы нанимались крестьяне из Сямозерской, Салменижской и др. волостей. В основе найма были кабальные договоры на 3—6 месяцев или на заготовку определенного количества древесного угля и железной руды. В отдельных случаях контракты заключались и на более продолжительные сроки. Так в 1770 г. несколько крестьян Оштинского погоста обязались контрактом работать пять лет на частном заводе.² В ответ на закабаление, обман и насилие крестьяне отказывались от работы и совершали побег.³

На частных металлургических заводах работало ограниченное количество приписных крестьян. В 80-х гг. XVIII века эти заводы прекратили свое существование. Такой же эпизодической была работа и на частных кирпичных заводах.⁴

Во второй половине XVIII столетия увеличилось количество рабочей силы на лесопильных заводах и на заготовке и сплаве леса как для заводов, так и для вывозки в Петербург.⁵ В маклерских книгах Петрозаводского магистрата за 1789—1791 гг. записан ряд договоров владельца Лижемского лесопильного завода о найме приписных крестьян на заводские работы, заготовку бревен и к перевозке теса в Кронштадт. В 70—90-х гг. в бассейне реки Шуи заготавливали лес петрозаводские купцы для судостроения, строительства домов и отправки в Петербург.⁶ В качестве лесорубов и сплавщиков леса нанимались крестьяне Шуйского погоста, а также Пряжинской, Сямозерской и др. волостей.⁷ Среди занятий населения этих волостей заготовки и сплав леса занимали первое место.

Большой спрос на пиломатериалы в Петербурге лесопильные заводы («пильные мельницы») не могли полностью удовлетворить, и поэтому в 80—90-х гг. на берегах реки Свири производилась заготовка теса, выпиливаемого ручными пилами.

В середине и во второй половине XVIII столетия наблюдались случаи найма богатыми приписными крестьянами работников для сельскохозяйственных работ. Так, например, в 1771 году крестьянин Кижской трети Г. Степанов, за неимением деревенского участка, нанимался «в разные крестьянские работы». В другом случае упоминается, что

¹ Из расчета, что от 5000 до 6000 «уроков» выполнялось подрядным способом. Один же рабочий за сезон выполнял не более 2—2,5 урока.

² ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 251, лл. 14—15; ф. 445, оп. 1, д. 300, л. 270; д. 308, л. 354.

³ О. И. Васильевская. Указ. произв., стр. 69—74.

⁴ В 70—90-х гг. в летние сезоны (в районе г. Петрозаводска) на кирпичных заводах работало около 100 человек.

⁵ ЦГА КАССР, ф. КОПЗ, кн. 254, л. 65 и др.

⁶ В 1789 году в бассейне реки Шуи заготовлено петрозаводскими подрядчиками свыше 10 тыс. бревен.

⁷ ЦГА КАССР, ф. ПГМ, Маклерская книга за 1789 г., л. 32, 227, 239 и др.

сулажгорский богатый крестьянин П. Назаров имел работников и т. д.¹ Однако наем сельскохозяйственных рабочих не мог найти широкого распространения. В одном официальном документе уже за 1872 год указано, что в хозяйстве олонецкого крестьянина «спрос на сельскохозяйственный труд весьма незначителен и полевые работы только отчасти служат подспорьем беднейшим крестьянам, нанимающимся к более зажиточным...»²

Для олонецкой приписной деревни как в XVIII, так и в XIX веках было характерно постепенное развитие дальнего отходничества. Большое количество приписных крестьян нанималось также на лесопильные заводы, на лесозаготовительные, сплавные и другие работы.

Недостаток пашенной земли, скудные урожаи и процесс имущественного расслоения способствовали появлению избыточной рабочей силы в приписной деревне. В 1770 году канцелярия Олонецких Петровских заводов констатировала, что от неимущих приписных крестьян есть жалобы на то, что они «принуждены искать пропитание мирским подаванием или к ним, богачам, наниматься за маленькую цену и быть в работе со утеснением».³

Многочисленные записи в маклерских книгах петрозаводского городского магистрата и архивные документы за 1760—1790 гг. довольно ясно вскрывают характер сделок между нанимающимися работниками, с одной стороны, и подрядчиками, судовладельцами и предпринимателями — с другой стороны.

Во второй половине XVIII столетия уже можно заметить начавшийся процесс разложения феодально-крепостнических порядков в системе горнозаводского производства. Вольнонаемный труд начал противопоставляться принудительному и медленно, но неуклонно развиваться.

Это видно не только на примере роста товарно-денежных отношений и успехов горнозаводской промышленности Урала, но самое главное — на примере того, что рабочая сила в это время начинает превращаться в товар. Основоположники марксизма-ленинизма считали основным признаком капитализма такой уровень развития товарного производства, когда рабочая сила превращается в товар.

Не только торговля товарами, но и наем работника имели место на Руси и до XVIII века, но наем работников был тогда редким явлением. В XVIII веке применение наемного труда становится систематическим. Во второй половине столетия в России получила развитие текстильная промышленность, в которой господствовал вольнонаемный труд.

Большинство рабочих Олонецкого края было занято на крепостных мануфактурах — Олонецких горных заводах, но на «пильных мельницах», галиотах, соймах и т. д. были вольнонаемные работники. Формирование этих кадров происходило в 1750—1800 гг., когда лесопильная промышленность Олонецкого края переживала период бурного развития, вызвавшего в свою очередь усиление судоходства. Рабочая сила лесопильной промышленности состояла из местных крестьян. Здесь были и приписные крестьяне, занимавшиеся отходничеством.

Освещая вопрос о значении крестьянских промыслов в развитии промышленного капитализма в России, В. И. Ленин указывал, что если на

¹ ЦГА КАСР, ф. КОПЗ, кн. 249, л. 241; ф. ОГП, оп. 5; д. 62/356, лл. 1—2.

² Там же, ф. 27, оп. 2, д. 8/105, л. 14.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1359, лл. 107—108.

одном полюсе деревни обогащалось зажиточное меньшинство, то на другом полюсе крестьянская беднота разорялась и превращалась в наемных рабочих. В Олонецкой приписной деревне в 1760—1790 гг. в качестве эксплуататоров наемных рабочих выступали такие богачи, как русские Бекренев и Захарьев, карелы Курмиев и Ющев, вепсы Варапайкин и позднее Пименов. В то же время тысячи разорившихся крестьян из русских, карельских и вепсских селений нещадно эксплуатировались как феодальным государством, так и нарождающейся буржуазией в лице владельцев предприятий, подрядчиков, судовладельцев, купцов и ростовщиков.
